

**18+ Настоящий материал (информация)
произведен, распространен и (или)
направлен иностранным агентом
Апресяном Рубеном Грантовичем либо
касается деятельности иностранного
агента Апресяна Рубена Грантовича**

*Р.Г. Апресян**

Этический антинормативизм М.М. Бахтина

*Апресян Рубен Грантович** – доктор философских наук, профессор. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2473-3909>

e-mail: apressyan@iph.ras.ru

В статье критически анализируется этический антинормативизм М.М. Бахтина. Отрицание роли норм в нравственности было обусловлено тем, что они, по его мнению, противоречат конкретному и индивидуально-неповторимому опыту индивида. Такое отношение к нравственным нормам отражало и более общий взгляд Бахтина на культуру и жизнь, согласно которому безжизненная культура радикально противостоит жизни, «живой» практике. Парадоксальное с традиционной точки зрения оправдание антинормативизма в этике удавалось Бахтину посредством законнически-авторитаристской и праксеологической интерпретации норм вообще, которые как таковые уместны в праве, религии, рутинно-целесообразной деятельности, но не в нравственности. В философии раннего Бахтина нравственность была репрезентирована в категории поступка. Соотнося поступок с бытием и представляя его заданным «событием бытия», Бахтин трактовал соответствующим, вненормативным, образом долженствование: им человек проникнут благодаря своей «участности в бытии». В статье показывается, что, хотя в философии раннего Бахтина на феноменологическом уровне нравственный деятель предстает в эго-центристском ракурсе, – и антинормативизм, и причастность бытию, и внутренне присущее поступку долженствование могут быть прояснены в свете христианской ориентированности его философского мировоззрения, которое он не считал возможным представить в теоретически эксплицированном виде. Этой мировоззренческой ориентацией был, по-видимому, задан переход Бахтина

от философии поступка к философии диалога, обозначивший завершение раннего периода его философского творчества.

Ключевые слова: Бахтин, нравственная норма, долженствование, императивность, поступок, диалог, этика

В трактате «К философии поступка» (ФП) М.М. Бахтин указывает на то, что предметом нравственной философии является «мир, в котором ориентируется поступок...» [Бахтин, 2003а, 49]. Этот труд сохранился в виде рукописи, относящейся к началу 1920-х гг. Благодаря удачному стечению обстоятельств рукопись не сгорела во времени, хотя и дошла до нас без названия, без первых десяти страниц вступления и последних написанных страниц; скорее всего, Бахтин не довел рукопись до завершения.

Бахтин вынашивал идею систематического труда по нравственной философии с 1910-х гг. [Николаев, 1996, 96–98; Гоготишвили, 2003, 415]; рукопись ФП должна была стать его частью [Бахтин, 2003а, 50]. В силу каких-то причин, среди которых было и переключение на исследование о творчестве Достоевского (опубликованное в виде книги в 1929 г.), в рамках которого он обратился к проблематике диалога, Бахтин в какой-то момент отошел от замысла нравственной философии. С годами он, похоже, почти забыл об этой ранней рукописи. Когда в 1971 г. С.Г. Бочаров (впоследствии публикатор рукописи, давший ей известное теперь всему миру название) сообщил Бахтину о ее обнаружении в его архиве, он, удивившись тому, что рукопись, оказывается, сохранилась, отнес ее к своей «*философской антропологии*» и больше интереса к ней не проявлял [Гоготишвили, 2003, 344, 351].

Текст ФП, содержащий учение о поступке, непросто. Со времени его первой публикации исследователями и комментаторами творчества раннего Бахтина была проделана огромная работа по экспликации содержания ФП и реконструкции его мыслительного контекста [Бочаров, 1993; Николаев, 1996; Махлин, 1997; Аверинцев, 2003; Гоготишвили, 2003; Beyers, 2015; Sandler, 2019; Бонецкая, 2022]. Философско-этические идеи раннего Бахтина стали предметом подробного анализа в ряде книг и статей [Тульчинский, 1990; Александрова, 1995; Гусейнов, 2001; Рогожа, 2010; Гусейнов, 2017; Сычев, 2019; Тульчинский, 2020; Зубец, 2022; Борисова, 2023]. Воздавая должное проделанной в этом направлении работе, надо отметить, что подход Бахтина к нравственно-философской проблематике и ее рассмотрение в ФП и в других ранних рукописях, и – шире – в перспективе к его поздним трудам не анализировались критически. А без этого полноценное осмысление нравственной философии Бахтина и его места в моральной философии едва ли возможно.

При этическом анализе ФП заслуживает внимания особенное понимание Бахтиным нравственной философии, которая, говоря в общих словах, предстает у него не как философия нравственности, а как философия поступка. Показательны в этом отношении результаты частотно-терминологического анализа текста ФП, демонстрирующие наиболее высокий рейтинг в нем термина «поступок», – 400 упоминаний [Гоготишвили, 2003, 360]. В то же время при семантически дифференцированном частотном анализе обнаруживается, что

слово «нравственность» как таковое упоминается в ФП всего 2 раза, и оба раза для обозначения феномена не в его целостности, а в его особенном и частном проявлениях [Бахтин, 2003а, 68]; слово «нравственный» встречается 29 раз, а слово «норма» (при том что в ФП речь идет не только о нравственных, но и научных, и эстетических нормах) – 35 раз. Употребление Бахтиным эпитета «нравственный» в отношении ценности, нормы, должного (долженствования), смысла, ответственности, события-бытия, ориентации, установки сознания, философии, – позволяет предположить, что таким образом обозначался взгляд на данный предмет с нравственной точки зрения; но в тексте ФП Бахтин не поясняет, в чем состоит эта точка зрения. Исходя из более широкого контекста, включающего и другие рукописи этого периода [Бахтин, 2003б, 80; Бахтин, 2003в, 292–293], определенно можно сказать, что нравственное для Бахтина – это область опыта *поступка*. Однако это вывод на основе лексически-семантического анализа текста ФП. В нем самом отчетливых аналитических определений нравственного и этического нет.

Тем не менее, принимая во внимание интенциональный нравственно-философский контекст рассуждения в ФП, мы можем считать, что, говоря об ориентации поступка в мире как о предмете нравственной философии, Бахтин имел в виду нравственную ориентацию. Концептуально-нейтрально ее в общих словах можно определить как смысловую ориентацию и тем самым отделить ее от ориентации по звездам, на местности, в делах и счетах. Концептуальная нейтральность такого определения заключается в вынесении за его скобки ценностной ориентации. Последняя состоит в том, что при принятии решения, в суждениях и действиях человек принимает во внимание их релевантность разделяемым им ценностям. Как фактор принятия решения, формулирования суждений и совершения поступков ценности выполняют повелительную (предписательную, императивную) функцию (что является их специфической чертой). Обычно считается, что в повелительной модальности мораль представлена нормами, или стандартами (*standards* чаще встречается в англоязычной литературе). Но если принять во внимание то, как осуществляется предписательная функция моральных ценностей, точнее было бы говорить о *принципах* как ценностных *началах* решений, действий и оценок. А при более пристальном взгляде можно увидеть, что моральная императивность обнаруживает себя в спектре разнообразных по консистенции ценностного содержания и силе повелительности форм [Апресян* и др., 2018, 33–37].

Однако Бахтин, определяя предмет нравственной философии, отмечает, что поступок ориентируется «на основе своей единственной причастности бытию» [Бахтин, 2003а, 49]. Как причастный бытию, поступок содержит в себе долженствование, и в этом смысле он подвержен императивности. Но Бахтин не мыслит императивность репрезентированной в нормах.

Немало мыслителей, трактуя нормативность в законническом духе, видели в этом отражение ее рассудочности, искусственности, техничности, манипулятивности, бесчеловечности. И, надо сказать, надменная взыскательность в морали, достигая степени ригоризма, именно так себя и проявляет. Однако из того, что нормативность в морали в каких-то своих проявлениях принимает

форму законничества, не следует что моральная нормативность всецело такова по своему духу.

Отрицание возможности и уместности норм в нравственности – один из острых моментов в нравственной философии раннего Бахтина. Это не центральная, но показательная для его философского мышления и значимая для его нравственной философии проблема. С ней теснейшим образом связаны проблема долженствования и ответственности, через нее – более общая проблема поступка, а также соседствующие с ней идеи диалога, в ФП только намечаемые, но впоследствии получившие у Бахтина концептуально-систематическую разработку. К сожалению, объективные ограничения объема статьи не позволяют рассмотреть проблему этического антинормативизма Бахтина в этом целостном контексте его нравственной философии. Так что настоящая статья – это лишь первый шаг в критическом переосмыслении философского наследия Бахтина.

С этико-философской точки зрения важно учитывать, что проблематику поступка Бахтин разрабатывал по преимуществу в соотнесении с понятием бытия (*бытие и поступок, бытие поступка, поступок как бытие, как событие-бытия*). Категориальная структура ФП такова, что она в гораздо большей степени характеризует этот труд относящимся к философской антропологии, причем в особенном ее выражении онтологии человека, специфически через онтологию поступка. В последние годы были предприняты заметные усилия по объяснению на основе философии раннего Бахтина релевантности нравственной философии онтологии и, соответственно, переосмысления нравственной философии как первой философии [Гусейнов, 2017; Зубец, 2022]. Внимания требует и такое видение первой философии Бахтина, при котором первая философия по своему смыслу оказывается нравственной философией [Щитцова, 2002, 35], и такое, при котором нравственная философия предстает первой философией не как этика (в значении теории морали), но как включающая в себя этику *наряду* с онтологией и антропологией [Аванесов, 2017, 130]. Впечатляющая на уровне общей презентации первой философии, эта картина оказывается размытой на уровне оказывающихся «частными» философских дисциплин – вплоть до полного переосмысления их категориально-концептуального состава. Трудно сказать, насколько отчетливо осознавал это Бахтин, но первые шаги в этом направлении он очевидно делал.

* * *

Итак, устанавливая в ФП поступок в качестве основного предмета и проблемного центра нравственной философии, Бахтин одновременно дезавуирует конструктивное значение для нее проблемы нормативности и роль норм в нравственности [Бахтин, 2003а, 10, 24].

Антинормативизм Бахтина¹ был следствием одной из его основополагающих идей того периода, согласно которой долженствование, зафиксированное

¹ Антинормативизм Бахтина существенно отличен от антинормативизма Н.А. Бердяева [Бердяев, 1990, 460–464], с которым Бахтина нередко сравнивают [Аверинцев, 2003, 445; Бонеев, 2022, 451].

в норме, как и знание, оформленное теоретически, и объективированный художественный образ, знаменуют собой смерть той живой мысли, посредством которой эта норма, это знание, этот образ вырабатывались. Под «теоретическим» Бахтин, похоже, понимал – в духе изначального смысла древнегреческого слова θεωρία (созерцание) – отвлеченное знание вообще, как научное, так и обыденное. Это требует от читателя ФП, как и других рукописей раннего периода, дополнительного рефлексивного внимания, удерживающего от обычного понимания этого термина и улавливающего дифференцированность его значения в меняющихся контекстах рассуждений.

Противопоставление теории, «теоретического мира» действительному бытию («событию бытия»), акцентируемое Бахтиным в разных местах текста, вытекало из его противопоставления культуры и жизни [Бахтин, 2003а, 7–8, 22–23], в переключке с философскими дискуссиями того времени [Гоготшивили, 2003, 384–386].

В отличие от «мертвой» нормы, живым, по Бахтину, является поступок как активность, благодаря которой реализуется «участное» бытие индивида. Через «участие в бытии» и оказывается возможным поступок как «событие бытия» [Аванесов, 2017; Бонецкая, 2022]. При таком видении для Бахтина несущественно, что никакой, даже участно-бытийный, поступок не может длиться вечно и что поступок совершается практически, то есть ради исполнения замысла, и в своем свершении неминуемо завершается².

Отрицая значение норм в нравственности, Бахтин имел в виду «специальные», содержательно определенные нормы, то есть такие, которые регулируют предметно-конкретные практики и которым не подлежит участное бытие человека [Бахтин, 2003а, 10, 24]. Не совсем понятно, как Бахтин представлял себе генезис этих норм. Возможно, они – порождение интуиции, неких догадок, но в таком качестве они – не более чем абстрактные «практически полезные положения» [Там же, 24]. Чтобы перестать быть «блуждающими», ни в чем «не укорененными» нормами и стать действенным инструментом организации действий людей, они должны быть обоснованы соответствующими науками, изучающими эти практические области, – «логикой, эстетикой, биологией, медициной, одной из социальных наук» [Там же]. Как научно обоснованные, эти

² Идея Бахтина о смерти *свершенного* в противовес жизни *совершаемого* очевидно опровергается судьбой его рукописного наследия, в частности ФП, не завершенного и трагически не полностью сохранившегося труда. Можно вообразить, в духе теории Бахтина, что незавершенность рукописи ФП, как и других, непосредственно символизирует эту его идею: не доведенная до объективации в публикации, рукопись, казалось бы, как раз и сохраняла в себе живое движение авторской мысли. Однако именно в этом состоянии она, почти забытая автором, была «заживо» похоронена в пыльном архиве, хранящемся в ветхом сарае. И, наоборот, извлеченная из архивной коробки, прочитанная, восстановленная, опубликованная раз, потом еще раз в более полном виде, прокомментированная, переведенная на другие языки, став предметом многочисленных исследований, предпосылкой для новых идей и теорий, обретя полноценное место в культуре человечества, она, собственно, и была наполнена жизнью. А вместе с ней продолжилась в жизни и автор. Как и другими своими выдающимися произведениями, многие из которых он все-таки своими руками довел до полной «объективации», обеспечив тем самым им жизнь и не предав смерти (в *живом* значении слов «жизнь» и «смерть»).

нормы уже будут разновидностью научных норм – таких, которые направлены на поведение человека. Приписываемый же нравственным нормам всеобщий, универсальный (Бахтин говорит «общий») характер Бахтин считал результатом их «неправомерного усвоения от права или заповеди» [Бахтин, 2003а, 26].

Все это говорится в контексте критики материальной этики, которую Бахтин необоснованно трактовал таким образом, что в ней нормы рассматриваются в качестве результата приложения к практике, к поведению людей теоретических положений³. Что бы ни утверждали авторы, которым Бахтин оппонировал, нет никаких данных, указывающих на то, что исторически нравственные нормы формировались в процессе заимствования норм правовых. Понятно, что не следует смешивать процесс генезиса нравственных норм с их поздним философским осмыслением, в особенности в раннее Новое время, когда, действительно, рационально-нормативная рационализация морального мышления проводилась – Ф. Соаресом, Т. Гоббсом, С. Пуфендорфом, И. Кантом – с учетом опыта теории римского права. Содержание многих норм, осваиваемых в рамках сложившегося в Новое время усилиями философов и рациональных теологов понятия морали, было – вполне правомерно – усвоено из данных в Священном писании заповедей. Но это оказалось возможным благодаря тому, что религиозно обосновываемые и санкционируемые библейские заповеди по своему ценностному содержанию в значительной части сохраняли этическую релевантность и вне библейского контекста. Да и вообще, генеалогически первоначальная нормативность носила синкретичный характер и, как видно, в частности, на материале книг Ветхого Завета, была представлена также в форме заповедей (наряду с пророческими и гномическими нарративами), в которых ретроспективно можно разглядеть как характеристики нравственности (например, обращенность к деятелю, призванному самому принимать решения, как поступать и от чего воздерживаться), так и характеристики права (например, функциональная значимость авторитета не только пророков, их провозглашавших, но и общины, обязанность которой контролировать поведение своих членов с помощью внешней силы, санкционировалась рядом специальных положений ветхозаветных книг).

Между тем если не касаться прикладной этики, обращенной к нравственным (этическим) нормам в конкретных видах деятельности, и иметь в виду нравственные нормы, как они рассматриваются моральной философией, то следует признать, что они, даже обращенные к отдельным сторонам общественной практики, являются именно *общими* – в той мере, в какой они ориентируют людей на надлежащее в отношениях между людьми как таковыми, то есть независимо от конкретно-предметного и ситуационного контекста отношений. Ни эстетика, ни логика, ни медицина не могут здесь сказать что-то значимое с теоретической точки зрения. Очевидно, что социология, социальная антропология, социальная психология, психология, нейронауки могут дать информацию о том, как эти нормы работают на уровне самосознания, человеческих взаимоотношений, функционирования социума. С учетом этого знания

³ Гогтишвили предполагает, что Бахтин, полемизируя с материальной этикой, имел в виду М. Шелера [Гогтишвили, 2003, 475; ср.: Шелер, 1994, 288].

содержание нравственных ценностей и содержание соответствующих нравственных норм может быть как-то переосмыслено и уточнено самими мыслящими людьми и философами. Однако в задачу конкретных наук, в отличие от того, что об этом думал Бахтин, не входит обоснование нравственных норм, а если ученые и берутся внести в это свою лепту, так только в своем личном качестве моральных агентов и вдумчивых, философствующих индивидов. Впрочем, хотя когнитивный статус норм имеет интерес для теории и утонченной моральной рефлексии, с практической точки зрения он не так важен: главное, чтобы нормы выполняли свою основную функцию упорядочивания поведения людей.

Возможно, из-за особенностей замысла труда, частью которого планировалась рукопись ФП, большинство рассуждений в ней носят умозрительный, отвлеченный характер (что разительно отличает ФП, скажем, от первой опубликованной под именем Бахтина книги – «Проблемы творчества Достоевского»), и из них трудно понять, какие именно нравственные нормы не проходят проверку установленных Бахтиным строгих критериев и что стоит, например, за такими словами, сказанными о нравственных нормах: «методически нерасчлененный конгломерат различных принципов и оценок» [Бахтин, 2003а, 24]. Заслуживает внимания то обстоятельство, что, сказав эти слова, Бахтин тут же упоминает этический принцип утилитаризма (*наибольшее счастье наибольшего числа людей*), распространяя тем самым и на него указанную характеристику. Относительно этого принципа еще и добавляется, что он подлежит «ведению и критике со стороны своей научной значимости тремя специальными дисциплинами: психологией, философией права и социологией» [Там же, 25].

Помимо правовых и религиозных норм Бахтин говорит еще об особом рода нормах, которые по сути дела являются правилами *целесообразности*. Нормы такого рода строятся по простой модели: «Если ты хочешь или тебе нужно то-то и то-то, то ввиду того, что... (теоретически значимое положение), ты должен поступить так-то и так-то» [Бахтин, 2003а, 26]. По мысли Бахтина такие нормы не должны интересовать философию, поскольку здесь нет даже волеизъявления, нет авторитета – одно только «если ты хочешь». По сути, это то, что сегодня принято называть *техническими правилами*, и они вырабатываются под определенные практические цели, главным образом для правильного использования необходимых для достижения целей средств, с учетом имеющегося практического опыта (в первую очередь неудачного). Однако и технические нормы, будучи более любых других объективированными и формализованными, в той мере, в какой они соответствуют используемым средствам, не являются «мертвыми» и на самом деле служат жизни, ее сохранению и облегчению. Как таковые они являются предметом моральной ответственности.

* * *

Наряду с принципом наибольшего счастья Бахтин упоминает и категорический императив в качестве примера определенности нормативного содержания. Обе эти «нормы» Бахтин считал продуктами философского разума

и поэтому незначимыми для практической деятельности, которая осуществляет себя в конкретных, индивидуально-неповторимых поступках. Следует иметь в виду, что ни Кант, ни Милль не считали, что нормы вырабатываются теорией, пусть даже этикой как теорией. Про названные принципы вообще трудно сказать, что они являются нормами, в смысле прямого руководства к *действию*. Они, скорее, представляют собой описание *мыслительных* процедур, на основе которых следует принимать решения, совершать поступки и выносить оценки. Необходимость этих мыслительных процедур, призванных обеспечить строгость морального мышления, осознана и обоснована в моральной философии. Это отвечает ее изначальному предназначению – критическому осмыслению нравственной практики, ее рационализации и формализации, если надо, в процессе критики нравственного сознания.

В свете антинормативизма Бахтина показательна критика им концепции категорического императива. Соглашаясь с теми выводами кантовского учения, согласно которым поступок не должен быть случайным и нравственная повелительность должна быть для поступающего категоричной, Бахтин не признавал в целом это учение, считая, что: (а) категорический императив определяет *поступок* как общезначимый *закон*, (б) лишенный положительного содержания, (в) законность категорического императива имеет только теоретическое обоснование, (г) которое на самом деле возможно лишь посредством «чисто теоретических установлений: социологических, экономических, эстетических, научных», и в них поступок теряется как конкретный поступок, (д) категорический императив сам по себе утверждает общий и общезначимый закон [Бахтин, 2003а, 27].

Как можно видеть, Бахтин переносил на категорический императив Канта свое понимание нравственных норм и тем самым подвергал аберрации кантовское учение. Ведь категорический императив, хотя и называется законом, может считаться законом только в нормативно-логическом, а отнюдь не юридическом смысле: в нем отражен порядок мышления и формальные принципы принятия решений, и как таковой он определяет *не* поступок, а максиму, то есть субъективный принцип воли. Руководствуясь принятой максимой, индивид определяет, каким быть поступку. Как принцип морального мышления категорический императив «лишен положительного содержания» в праксиологическом смысле: он не говорит, что следует делать. Но он обладает этим содержанием в нормативно-логическом смысле, поскольку определяет, какими принципами должен руководствоваться человек при принятии решения. Обоснование любого нравственного принципа может осуществляться «теоретически», то есть посредством приведения аргументов, по природе своей отвлеченных. Но это обоснование как раз невозможно посредством частно-научных доводов, поскольку все они указывают на практические цели и предмет действий, между тем как категорический императив описывает *условия* правильного морального мышления. Он говорит также о порядке правильного морального мышления, и этот порядок общий для всех: моральный субъект должен формулировать максимы своих действий так, чтобы они были принципиальными и морально безукоризненными – автономными и универсализуемыми. Но это то, как принцип действия *мыслится*, а не то, каким он *становится*.

Объективация этого принципа происходит в поступке, совершаемом конкретным лицом в конкретных обстоятельствах. Речь не идет о том, что этот поступок становится или может стать законом. Поступок по определению своей природы не может стать законом. В полемике с формальной этикой Бахтин отмечает, что воля, творчески активная в поступке, «совсем не задает норму, общее положение» [Бахтин, 2003а, 27]. Воля действительно не задает норму. Однако, по Канту, воля действует так, *как если бы* она задавала всеобщую норму. И индивидуально-ответственное решение (если использовать слова Бахтина), заключается в том, что человек волит универсализуемо – так, *как если бы* он создавал закон для всех, то есть закон, по мерке которого и по отношению к нему поступали бы так, как он поступает. Другой вопрос, скорее обстоятельный, что реципиенты и наблюдатели поступка, будучи восхищенными им, могут на его основе реконструировать максиму, которой, по их мнению, руководствовался деятель, и воспринять ее как образец, достойный воспроизведения. Но это социально-психологический аспект генезиса и социокультурной динамики нравственных норм, и его рассмотрение учением о категорическом императиве не предусматривалось.

При обсуждении кантовской этики Бахтин довольно точно характеризует моральное долженствование как «категорию сознания, форму, не могущую быть выведенной из какого-нибудь определенного материального содержания» [Там же, 26]. Однако, дав это определение, он тут же переворачивает его, утверждая, что кантианство «мыслит категорию долженствования как категорию теоретического сознания, т.е. теоретизирует ее, и вследствие этого теряет индивидуальный поступок» [Там же]. Долженствование может быть теоретической категорией (в общезначимом смысле слова «теоретическое»), но только в той мере, в какой оно становится предметом философского анализа, в ходе которого вскрывается его природа, логика и содержание долженствовательного мышления. Кант указывал на то, что человек благодаря своему разуму способен усвоить эту логику и это содержание. Но, оставаясь на позициях теоретика, Кант не возлагал задачу теоретического анализа на морального деятеля, сохраняя за ним прерогативу совершения индивидуального поступка. Общность, универсализуемость принципа, с ориентацией на который поступок совершается, не означает *неиндивидуализированности* поступка, хотя на практике сплошь и рядом поступки, совершаемые под видом моральных, то есть под аккомпанемент моральных аргументов, оказываются на деле всего лишь подражательными, послушными, покорными, прагматичными и в этом смысле не индивидуализированными или недостаточно индивидуализированными, не творческими.

* * *

Не признавая какой-либо значимой роли норм в нравственности, Бахтин и описывает их в ФП соответствующим образом, как будто бы намеренно фокусируя свой взгляд так, чтобы не увидеть в нормах ничего «живого». Даже сказав что-то, что может быть воспринято как релевантное нравственности,

например, что нормы являют собой «специальную форму волеизволения одного по отношению к другим» [Бахтин, 2003а, 25], он тут же связывает это волеизъявление исключительно с правом (с его нормами-законами) и религией (с ее нормами-заповедями), объединяя их по этому авторитарному признаку и выводя из-под него нравственность [Аверинцев, 2003, 445]; а действенность волеизъявления видится им основанной на силе авторитета волеизъявителя, именно им обоснована «содержательно-смысловая значимость» нормы [Бахтин, 2003а, 26]. При воображении авторитетного волеизъявления как вертикально-иерархического отношения, а нравственности – как самоопределения предоставленного самому себе и «единственного в своей единственности» индивида разведение нравственности и нормативности у Бахтина понятно. Однако волеизъявление одного по отношению к другому далеко не всегда имеет форму одновекторного воздействия в условиях естественной или институциональной субординации, как это иногда представляется [Гусейнов, 2017, 13]; оно может происходить и в режиме равенственной взаимности, актуальной или предполагаемой. В этом, собственно говоря, и состоит моральное регулирование как в значительной своей части *взаиморегулирование*, то есть побуждение людьми друг друга к надлежащим действиям на основе надличных и надситуативных, иными словами, общезначимых ценностей.

К тому же волеизъявление – *один* из моментов в нормативности, указывающий на способ ее функционирования. Это не специфический для нормативности момент. Волеизъявление может иметь место при силовом принуждении: сила – сама себе власть и не нуждается ни в нормах, ни в их объяснении и легитимации. В нормативности есть и *другой* момент, который связан со смысловым содержанием. Бахтин наличие этого момента признает, но его значение фактически нивелирует. Однако в отсутствие смыслового содержания или при его непроговоренности волеизъявление предстает всего лишь произволом волеизъявителя. Прежде чем оказаться предъявленной или прежде чем стать референцией во взаиморегулировании, норма должна сформироваться, пройдя ряд стадий от первичного осмысления опыта взаимодействия, постепенного ценностного обобщения этого опыта до выражения результатов обобщения в императивной форме. Норма в первую очередь и есть то смысловое содержание, которое вырабатывается в этом процессе, а волеизъявление – это одно из *средств* обеспечения его практической действенности. Последнее может быть опосредовано и апелляцией к моральному авторитету. Этот ракурс рассмотрения нормы Бахтин не принимает во внимание.

Хотя Бахтин, как отмечено выше, был довольно критически настроен по отношению к любому общему смысловому содержанию, в отдельных своих рассуждениях он говорит об этом содержании не как об иллюзии, а как о реальном феномене, в форме, например, «общезначимых ценностей», пусть это и феномен мысли, порождение отвлеченного ума. Он обсуждает их в полемике с современной философией культуры в лице Г. Риккерта, согласно которому человек реализует себя в качестве субъекта культуры, обращаясь к закрепленным в культуре общезначимым ценностям и претворяя их посредством своих поступков на практике. Возражая этому, «в корне несостоятельному», взгляду, Бахтин утверждает, что ценности, которым приписывается общее значение,

сами по себе его не имеют и только обретают его «в индивидуальном контексте» [Бахтин, 2003а, 35]. Понятно, что для Бахтина важно было еще раз указать на индивидуально-конкретное значение неповторимого в своей единственности поступка. Но при проводимом подходе остается неясным, *что* именно, прежде не значимое, становится значимым через совершение поступка и *как* это обретение значимости происходит? Ценность по своему определению есть представление о чем-то значимом. На основании чего, если не в силу своей значимости, общей или частной, иными словами, если не в силу своей ценностности, некое смысловое содержание может оказаться востребованным «в индивидуальном контексте»? Как было отмечено в начале статьи, поступок ориентируется в мире не по ценностям, а «на основе своей единственной причастности бытию». Тем самым тема ценностей как ориентиров поступка по существу снимается.

* * *

Не видя в действительном мире возможности для нравственных норм, Бахтин не отрицал вовсе нравственной императивности. Она явлена в виде *долженствования*, которое само обнаруживается в человеке и без посредства норм: «Нет определенных и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственный субъект с определенной структурой... на которого и приходится положиться: он будет знать, что и когда окажется нравственно-должным, точнее говоря, вообще должным...» [Там же, 10]. Иными словами, нет надобности в нравственных нормах, образующих в своей совокупности ту среду, в которой формируется и действует нравственный субъект. Он существует независимо от нравственных норм, и благодаря каким-то своим способностям он знает, что есть нравственно-должное, вообще должное.

Долженствование описывается как атрибут не нравственности в строгом смысле слова и не морального субъекта, а поступка. Причем не долженствованием задается поступок, а поступок в своем свершении обнаруживает долженствование. Это трудно понять традиционно и ограниченно-этически мыслящему теоретику: каков источник знания должного у индивида и где он черпает понимание того, как надо поступать, в частности, в конкретной ситуации. Бахтин меняет традиционный контекст этого обсуждения, категориально ассоциировав поступок и его долженствительность с бытием. С онтологической точки зрения долженствование оказывается – опосредованно поступку – формой бытийствования поступающего. Из того, что говорит Бахтин, выходит, что «участность в бытии» и задает нравственную субъектность индивида и из нее он *знает*, что есть нравственно-должное, из нее он черпает долженствительность поступка [Там же, 30–31, 38]. Так что субъект конституируется в качестве нравственного, поступая участно бытию. – Однако неясно, благодаря чему индивид обретает причастность бытию, насколько он при этом субъектен, является ли причастность бытию предметом его индивидуальной ответственности? Если индивид в силу своего онтологического статуса причастности бытию знает, как поступать, если он несет в себе то содержание, которое при

традиционно-этическом взгляде как раз и является предметом долженствования, то каков смысл говорить о долженствовании как некотором отдельном моменте поступка?

* * *

Отрицание общезначимых и существующих самих по себе норм и ценностей в общекультурном, то есть надперсональном, надлокальном и надситуативном, контексте можно считать результатом гипертрофированной сфокусированности Бахтина на единственности и неповторимости момента события поступка, данного в единственном контексте, во всецелой зависимости от которого поступок и оценивается [Бахтин, 2003а, 35]. Оно отражало доминантную для ФП идею единственности поступающего как одинокого и отстоящего от мира людей, монологически мыслящего, обладающего сознанием в модальности самосознания как сознания о самом себе. Это именно доминантная идея. Но рядом с ней были и иные идеи, показывающие человека как находящегося в отношениях с другими людьми, взаимодействующего с ними, связанного с ними условиями бытия. В этом контексте Бахтин неожиданно в свете предшествующего высказывает идею «архитектоники действительного мира поступка», «основными конкретными моментами» которого, наряду с «я-для-себя», являются «другой-для-меня» и «я-для-другого» [Там же, 49]. Имея в виду это и некоторые другие аналогичные высказывания, можно с уверенностью говорить о том, что ФП содержит в зародыше основные положения концепции диалога, получившей систематическое развитие в творчестве Бахтина спустя всего несколько лет. Ее освоение и систематическое развитие стали возможны на основе отхода от индивидуалистически-монологической концепции поступка. Диалогичность существования человека с необходимостью меняет представление о нравственном долженствовании.

Вместе с тем важным, если не ключевым для понимания природы поступка и факторов его императивности у Бахтина может быть то обстоятельство *текста* ФП, что в нем при полном отсутствии даже намек на какой-нибудь конкретный человеческий поступок в его собственно нравственном содержании⁴ однажды указан пример поступка: «Великий символ активности, отошедший Христос, в причастии, в распределении...» [Бахтин, 2003а, 19]. Это – конкретно-индивидуальный, единый и единственный (во всей полноте смысла этого бахтинского понятия) пример поступка, жизни как поступка, пусть в божественности этого «случая» индивидуальность нивелируется во всемирной всеобщности как деятеля, так и его жизни, а пример претворяется в *условие бытия*: «Мир, откуда ушел Христос, уже не будет тем миром, где его никогда не было, он принципиально иной» [Там же]. Такое впечатление, что Бахтин, говоря о поступке, всегда имеет в виду Христа. Если так, тогда

⁴ В другой работе этого периода Бахтин уже конкретизирует понятие этического поступка, говоря о верности, очищении, помощи, спасении, утешении, познавательном размышлении [Бахтин, 2003б, 79, 106, 107].

понятно, каков мировоззренчески-философский исток неоднократно повторенных Бахтиным слов о том, что этот мир «принципиально не-определим ни в теоретических категориях, ни в категориях исторического познания, ни эстетической интуицией»: не определим тот мир, «где свершилось событие жизни и смерти Христа» [Бахтин, 2003а, 19].

С архетипичностью примера Христа перекликается одно из положений, высказываемых Бахтиными для характеристики поступка: человек подтверждает «во всей эмоционально-волевой, поступочной полноте» свою причастность бытию словами «Я-есмь» [Там же, 38]. Символичность этих слов объясняется их источником. Слова «Я-есмь» (точнее, «Я есть, кто я есть») произносит Господь (Исх. 3:14), а затем и Иисус (Ин. 8:58–59) в предъявление своего земного призвания и божественного достоинства. Это проливает дополнительный свет на то, *какого* поступающего, буквально единственного, имеет в виду Бахтин, выстраивая философию поступка, которая посредством такой архетипической референции преобразуется в *теологию поступка*.

Сквозь призму этого символически единственного примера преобразуется все рассуждение в ФП: ведь мир, откуда ушел Христос, – это тот самый мир, в котором ориентируется поступок. И это не просто мир, «откуда ушел Христос». Это мир, в котором он жил и учил, переосмысливая известные от века заповеди и давая новые – в качестве *ориентиров* для решений и свершений. Имея весьма скептическое представление о нормах и их возможности в нравственности, Бахтин не стал указывать на нравственно-нормативную основу для человеческих действий в учении Христа.

Для понимания этой позиции Бахтина, как и, шире, религиозной подосновы его философии того периода, представляет интерес воспоминание Г.Д. Гачева, относящееся к началу 1960-х гг. Бахтин, узнав о замысле Гачева написать историю совести, спросил: «А на что вы обопреете совесть?» – и, услышав от Гачева: «Вроде самоопорна она...» – заметил: «Для меня опора совести – Бог. Но если вы так не чувствуете, то пишите так, как будто совесть была бы последняя инстанция. Так тоже неплохо...» [Гачев, 2015]. С учетом возможности такого разворота мысли («как будто бы... последняя инстанция») можно по-другому взглянуть на идею укорененности поступка в бытии и на то, по отношению к какому «единственному целому» должно быть не индифферентным при действительном бытии в жизни [Бахтин, 2003а, 40] и, соответственно, о какой «участности в бытии» идет на самом деле речь⁵.

Признание *христианской определенности* философской мысли Бахтина, какими бы мимолетными ни были в тексте его замечания, эту определенность недвусмысленно удостоверяющие, побуждает к перемене ракурса нашего восприятия если не философии поступка (в части природы поступка и нравственного долженствования), то несомненно ее мировоззренческой основы. Вместе

⁵ Христианская определенность мысли Бахтина и его тесная внутренняя связь с русской религиозной философией отмечается рядом исследователей творчества Бахтина [Бочаров, 1993, 80; Гоготишвили, 2003, 409; Седакова, 2010, 89]. Наиболее развернуто этот аспект философии поступка Бахтина проанализирован И.В. Борисовой [Борисова, 2023, 187]. Религиозный характер философии Бахтина не признает Н.К. Бонецкая [Бонецкая, 2022, 192].

с тем это требует понимания того, что подразумевание архетипичности для человеческого поступка именно события жизни и смерти Христа ведет философский и тем более философско-этический анализ (в котором сотериологические вопросы не являются приоритетными) к идеализации. Но идеализация чревата прямолинейностью: поступок предстает лишенным внутренней ценностной и внешней поведенческой динамики во всем разнообразии и богатстве ее ценностно-смыслового содержания. А раскрытие этого содержания и составляет задачу нравственной философии.

M.M. Bakhtin's Ethical Anti-normativism

Ruben G. Апресян

RAS Institute of Philosophy. 12/1 Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-2473-3909

e-mail: aprepyan@iph.ras.ru

The article critically analyzes M.M. Bakhtin's ethical anti-normativism. The denial of the role of norms in morality was due to the fact that they, in his opinion, contradict a specific once-occurrent and unique experience of an individual. This attitude to moral norms reflected Bakhtin's more general view of culture and life, according to which lifeless culture is radically opposed to life, "live" practice. Bakhtin succeeded in justifying anti-normativism in ethics, which was paradoxical from a traditional point of view, through a legalistic, authoritarian and praxeological interpretation of norms in general, which as such are appropriate in law, religion, routine and expedient activities, but not in morality. In the philosophy of early Bakhtin, morality was represented in the category of act. Correlating an act with being and presenting it as a given "event of being", Bakhtin interpreted an appropriate, non-normative way of ought: a person is imbued with it due to her "participation in being". The article shows that although in early Bakhtin's philosophy, at the phenomenological level, the moral agent appears in an ego-centered perspective, both anti-normativism, participation in being, and the inherent oughtness of the act can be clarified in the light of Christian orientation of his philosophical worldview, which he did not consider possible to present in a theoretically explicated form. This worldview orientation apparently determined Bakhtin's transition from the philosophy of action to the philosophy of dialogue, which marked the end of the early period of his philosophical work.

Keywords: Bakhtin, moral norm, oughtness, imperativity, act, dialogue, ethics

Литература / References

Аванесов С.С. К вопросу о «человеческой» онтологии: актуальность мысли М.М. Бахтина // *Человек.RU*. 2017. № 12. С. 127–154.

Avanesov, S.S. "K voprosu o 'chelovecheskoj' ontologii: aktual'nost' mysli M.M. Bahtina" [To the Problem of "Human" Ontology: Actuality of Bakhtin's Thought], *Chelovek.RU*. 2017, No. 12, pp. 127–154. (In Russian)

Аверинцев С.С. Постраничные примечания // *Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1* / Ред. С.Г. Бочаров, Н.И. Николаев. М.: Русские словари; ЯСК, 2003. С. 438–456.

Averintsev, S.S. "Postranichnye primechaniya" [Page-by-page Notes], in: M.M. Bakhtin, *Sobranie Sochineniy* [Works], Vol. 1, eds. S.G. Bocharov, N.I. Nikolaev. Moscow: Russkie Slovary Publ.; YaSK Publ., 2003, pp. 438–456. (In Russian)

Александрова Р.И. Нравственная философия и творческое наследие М.М. Бахтина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1995.

Aleksandrova, R.I. *Nravstvennaja filosofija i tvorcheskoe nasledie M.M. Bakhtina* [Moral Philosophy and the Creative Heritage of M. Bakhtin]. Saransk: Mordovia University Publ., 1995. (In Russian)

Апресян Р.Г.*, Артемьева О.В., Прокофьев А.В. Феномен моральной императивности: Критические очерки. М.: Институт философии РАН, 2018.

Apressyan, R.G., Artemyeva, O.V., Prokofiev A.V. *Fenomen moral'noi imperativnosti: Kriticheskie ocherki* [The Phenomenon of Moral Normativity: A Critical Essay]. Moscow: Institute of Philosophy, RAS Publ., 2018. (In Russian)

Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов / Ред. С.Г. Бочаров, Н.И. Николаев. М.: Русские словари; ЯСК, 2003а. С. 7–68.

Bakhtin, M.M. "K filosofii postupka" [Toward a Philosophy of the Art], in: M.M. Bakhtin, *Sobranie Sochineniy* [Works], Vol. 1, eds. S.G. Bocharov, N.I. Nikolaev. Moscow: Russkie Slovary Publ.; YaSK Publ., 2003а, pp. 7–68. (In Russian)

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1 / Ред. С.Г. Бочаров, Н.И. Николаев. М.: Русские словари; ЯСК, 2003б. С. 69–264.

Bakhtin, M.M. "Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti" [Author and Hero in Aesthetic Activity], in: M.M. Bakhtin, *Sobranie Sochineniy* [Works], Vol. 1, eds. S.G. Bocharov, N.I. Nikolaev. Moscow: Russkie Slovary Publ.; YaSK Publ., 2003б, pp. 69–264. (In Russian)

Бахтин М.М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1 / Ред. С.Г. Бочаров, Н.И. Николаев. М.: Русские словари; ЯСК, 2003в. С. 265–325.

Bakhtin, M.M. "K voprosam metodologii jestetiki slovesnogo tvorchestva" [On the Issues of Methodology of Aesthetics of Verbal Creativity], in: M.M. Bakhtin, *Sobranie Sochineniy* [Works], Vol. 1, eds. S.G. Bocharov, N.I. Nikolaev. Moscow: Russkie Slovary Publ.; YaSK Publ., 2003в, pp. 265–325. (In Russian)

Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Вступ. ст., составл., примеч. Л.В. Полякова. М.: Правда, 1989. С. 253–580.

Berdyayev, N.A. "Smysl tvorchestva" [The Meaning of the Creative Act], in: N.A. Berdyayev, *Filosofia Svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act], ed. L.V. Polyakov. Moscow: Pravda Publ., 1989, pp. 253–580. (In Russian)

Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным / Вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. В.В. Кожина. М.: Прогресс, 1996.

Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bahtinyim [V.D. Duvakin's Conversations with M.M. Bakhtin], Introductory article by S.G. Bocharov and V.V. Radzishevsky; Concluding article by V.V. Kozhinov. Moscow: Progress Publ., 1996. (In Russian)

Бонетская Н.К. Бахтин как философ. Поступок. Диалог. Карнавал. СПб.: Алетейя, 2022.

Bonetskaya, N.K. *Bakhtin kak filosof. Postupok. Dialog. Karnaval* [Bakhtin as a Philosopher. Act. Dialog. Carneval]. St. Petersburg: Aleteja Publ., 2022. (In Russian)

Борисова И.В. Изначальный поступок (О незамеченном сюжете нравственной философии М.М. Бахтина) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2. С. 172–224.

Borisova, I.V. "Iznachal'nyj postupok (O nezamechenom sjuzhete нравstvennoj filosofii M.M. Bakhtina)" [The Initial Act (On a Neglected Theme in Mikhail Bakhtin's Moral Philosophy)],

Dostoevskij i mirovaja kul'tura. Filologicheskij zhurnal [Dostoevsky and the World Culture. Philological Journal]. 2023, No. 2, pp. 172–224. (In Russian)

Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 70–89.

Bocharov, S.G. “Ob odnom razgovore i vokrug nego” [About One Conversation and Around it], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1993, No. 2, pp. 70–89. (In Russian)

Гачев Г.Д. Событие бытия [о М.М. Бахтине] // Литературная газета. 2015. 19 ноября. № 46.

Gachev, G.D. “Sobytiye bytiya (o M.M. Bakhtine)” [The Event of Being [about M.M. Bakhtin], *Literaturnaya Gazeta*, 2015, 19 November, No. 46. (In Russian)

Гоготшивили Л.А. Комментарии; Постраничные примечания // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1 / Ред. С.Г. Бочаров, Н.И. Николаев. М.: Русские словари; ЯСК, 2003. С. 351–438, 457–492.

Gogotishvili, L.A. “Kommentarii; Postranichnye primechaniya” [Commentaries; Page-by-page Notes], in: M.M. Bakhtin, *Sobranie sochineniy* [Works], Vol. 1, eds. S.G. Bocharov, N.I. Nikolaev. Moscow: Russkie Slovary Publ.; YaSK Publ., 2003, pp. 351–438, 457–492. (In Russian)

Гусейнов А.А. Закон и поступок (Аристотель, Кант, М.М. Бахтин) // Этич. мысль / Ethical Thought. 2001. Вып. 2. С. 4–26.

Guseinov, A.A. “Zakon i postupok (Aristotel, Kant, M.M. Bakhtin)” [The Law and the Act], *Eticheskaya Musl' / Ethical Thought*, 2001, Issue 2, pp. 4–26. (In Russian)

Гусейнов А.А. Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М.М. Бахтина). Ст. 1. Быть – значит поступать // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 5–15.

Guseinov, A.A. “Filosofija postupka kak pervaja filosofija (opyt interpretacii нравственной философии М.М. Bakhtina). Article 1. Byt' – znachit postupat'” [A Philosophy of the Act as a First Philosophy (Interpreting M.M. Bakhtin's Moral Philosophy)], *Voprosy filosofii*, 2017, No. 6, pp. 5–15. (In Russian)

Зубец О.П. Прологомены к морально-философскому понятию поступка // Этич. мысль / Ethical Thought. 2022. Т. 22. № 2. С. 5–20.

Zubetz, O.P. “Prolegomeny k moralno-filosofskomu ponyatiyu postupka” [Prolegomenon to the Philosophical Definition of an Act], *Eticheskaya Musl' / Ethical Thought*, 2022, Vol. 22, No. 2, pp. 5–22. (In Russian)

Махлин В.Л. Другой // Бахтинский тезаурус. Материалы и исследования: Сб. ст. / Под ред. Н.Д. Тамарченко, С.Н. Бройтмана, А. Садецкого. М.: РГГУ, 1997. С. 141–148.

Makhlin, V.L. “Drugoy” [Another], *Bakhtinskij tezaurus. Materialy i issledovaniya* [Bakhtin Thesaurus. Materials and Research], eds. N.D. Tamarchenko, S.N. Broitman, A. Sadetskiy. Moscow: RGGU Publ., 1997, pp. 141–148. (In Russian)

Николаев Н.И. Бахтин в Неделе летом 1919 г. // Невельский сборник. Вып. 1. СПб.: Акрополь, 1996. С. 96–101.

Nikolaev, N.I. “Bakhtin v Nevele letom 1919 goda” [Bakhtin in Nevel in the Summer of 1919], *Nevelskiy sbornik* [Nevel collection], Issue 1. St. Petersburg: Akropol Publ., 1996, pp. 96–101. (In Russian)

Николаев Н.И. М.М. Бахтин в 1910–1920-е годы: единство пути // Литературоведческий журнал. 2021. № 4. С. 45–59.

Nikolaev, N.I. “V.V. Bakhtin v 1910–1920-e gody” [M.M. Bakhtin in 1910–1920s: the Unity of the Path], *Literaturovedcheskiy zhurnal*, 2021, No. 4, pp. 45–59. (In Russian)

Рогожа М.М. Моральный поступок и моральное действие: критерии оценки // Этич. мысль / Ethical Thought. 2010. Вып. 10. С. 39–60.

Rogozha, M.M. “Moral'nyj postupok i moral'noe dejstvie: kriterii ocenki” [Moral Act and Moral Action: Valuation Criteria], *Eticheskaya Musl' / Ethical Thought*, 2010, Issue 10, pp. 39–60. (In Russian)

Седакова О.А. М.М. Бахтин – другая версия // Седакова О.А. *Moralia: Эссе, лекции, заметки, интервью*. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. С. 88–99.

Sedakova, O.A. “M.M. Bakhtin – drugaja versija”, in: O.A. Sedakova, *Moralia: Esse, lekicii, zametki, interv’ju* [Moralia: Essays, Lectures, Interviews]. Moscow: Dmitriy Pozharskiy University Publ., 2010, pp. 88–99. (In Russian)

Сычев А.А. Долженствование и нормативность в философии поступка М.М. Бахтина // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 2. С. 42–47.

Sychev, A.A. “Dolzhenstvovanie i normativnost’ v filosofii postupka M.M. Bakhtina” [Oughtness and Normativity in a Philosophy of the Act by M. Bakhtin], *Gumanitarnyj Vektor*, 2019, Vol. 14, No. 2, pp. 42–47. (In Russian)

Тульчинский Г.Л. Разум. Воля. Успех. О философии поступка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.

Tulchinskiy, G.L. *Razum. Volia. Uspech. O filosofii postupka* [Reason. Will. Success. On a Philosophy of the Action]. Leningrad: Leningrad University Publ., 1990. (In Russian)

Тульчинский Г.Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб.: Алетея, 2020.

Tulchinskiy, G.L. *Filosofia postupka: samoopredelenie lichnosti v sovremennom obschestve* [A Philosophy of the Act: Personal Self-determination in the Modern Society]. St. Petersburg: Aleteja Publ., 2020. (In Russian)

Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избр. произв. / Пер. А.В. Денежкина, А.П. Малинника, А.Ф. Филиппова; под ред. А.В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. С. 259–338.

Scheler, M. “Formalizm v etike i materialnaja etika tsennostej” [Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik], in: M. Scheler, *Izbrannye proizvedenia* [Selected Writings], ed. by A.V. Denezhkin. Moscow: Gnozis Publ., 1994, pp. 259–338. (In Russian)

Щитцова Т.В. Событие в философии Бахтина. Минск: И.П. Логвинов, 2002.

Schitzova, T.V. *Sobytie v filosofii Bakhtina* [The Event in Bakhtin’s Philosophy]. Minsk: I.P. Loginov Publ., 2002. (In Russian)

Beyers, C. “Will and Communalinity in Bakhtin, from a Nietzschean Perspective”, *Studies in East European Thought*, 2015, Vol. 67, No. 3/4, pp. 145–164.

Sandler, S. “A Strange Kind of Kantian: Bakhtin’s Reinterpretation of Kant and the Marburg School”, *Studies in East-European Thought*, 2015, Vol. 67, No. 3/4, pp. 165–182.